

Франко Дзеффирелли: «До Эйзенштейна мне далеко»

Выдающийся кинорежиссер впервые показывает свою живопись и очень ждет реакции русской публики

Григорий Заславский

Вчера в рамках фестиваля «Черешневый лес» в Музее личных коллекций на Волхонке открылась выставка эскизов, макетов и костюмов к фильмам и спектаклям Франко Дзеффирелли. Первая подобная выставка в жизни режиссера, последние 4 года посвятившего занятиям живописью. По выбору Дзеффирелли сегодня будет показан его «Гамлет», а в рамках двухмесячной выставки пройдет большая ретроспектива фильмов знаменитого режиссера. Выставка наверняка заставит поспорить и о том, можно ли Дзеффирелли назвать еще и живописцем. Сам он говорит: «Разумеется, я не живописец в полном смысле слова... Я с нетерпением буду ждать оценок посетителей этой выставки, прежде чем сделать для себя окончательный вывод».

Знаете ли вы о том, что некоторое время назад в Музее изобразительных искусств прошла выставка скульптур Джини Лоллобриджиدي? – Я не знал об этом. А если бы узнал заранее, то скорее всего и

Не думаю, что Россини стал бы писать для «Пинк Флойд»

не приехал бы, чтобы выставиться в том месте, где была выставка Лоллобриджиди. Даже не хочу об этом знать. – В каталоге вы говорите, что с нетерпением ждете мнения зрителей. Неужели для вас это так важно?

– Что бы я ни делал – в театре или кинематографе, – я всегда обращаюсь к публике. Реакция публики для меня – самая главная. А сейчас – особенно, потому что в театре и кино я давно уже состоялся, это можно назвать моей официальной миссией, а живопись для меня – что-то личное, даже интимное, с этой стороны публика меня не очень хорошо знает. То, что я выставляюсь в Пушкинском музее, который знают во всем мире, для меня – определенный экзамен в области живописи. И я жду результатов.

– Одно дело – спектакль или даже фильм, который не может жить без сиюминутного отклика. А для живописи, казалось бы, впереди вечность...

– Сказали бы вы об этом Пикассо, для которого важно было получить успех при жизни. Вот для художников XIX века это было еще актуально. Но когда он стал известным, Пикассо очень реагировал на замечания публики и даже зависел от ее мнения.

– Скорости изменились, и сегодня никто не хочет ждать посмертного признания.

– Хотя русская публика была одной из первых, кто понял и открыл импрессионистов, дадаистов. И Пикассо – тоже. Русские – по отношению к западной публике – всегда были от-

крыты новым веяниям. Но потом произошла Октябрьская революция, которая отрезала русскую публику почти на 70 лет от мировой культуры. Процентом на 90. Так что таланты русской публики были далеко запряжаны.

– Не все уезжали. Работал Шостакович, и наоборот, вернулся Прокофьев. Что касается мировой культуры, то, поверьте, и при советской власти наши знания о ней были велики. А в чем-то даже и больше, чем сегодня.

– Может, вы хотите сказать, что коммунизм помогал культуре выражать себя и помогал ее расцвету?

– Сложный вопрос. Неужели вы за всю свою жизнь не испытывали симпатий к коммунистической идее, как это было, к примеру, с Пикассо или Стрелером?

– Нет, мне никогда не приходили такие мысли в голову. Что касается Стрелера, Пикассо или Брехта, я уверен, что для них это было до некоторой степени спекуляцией: они ведь были коммунистами в демократическом обществе, а не в Советском Союзе, где бы им просто снесли голову. Быть коммунистом в демократическом обществе было модно. Кстати говоря, иногда критики не очень лестно отзываются о моем творчестве не потому, что они не согласны с моим творчеством, а потому, что я никогда не был коммунистом и очень прямо высказываю все идеи. Что я думаю, то и говорю.

– Вы как-то сами оцениваете собственную живопись?

– Все мои работы связаны так или иначе с театром или кино, со спектаклями или с фильмами, над которыми я работал. Я являюсь тем, кто творит по замыслу автора – Чехова, Шекспира или Пиранделло. Я прочитываю текст и, мне кажется, вижу то, что задумал автор. Если вы видели мою работу, посвященную Артуру Миллеру и Мэрилин Монро, – она выполнена в абстрактном, минималистском стиле. Я – лишь проводник идей автора. А «Три сестры», которые я делал для Виксонта в 52-м году, – я считаю, что именно так видел «Трех сестер» Чехов. А музыка – навер-

но, самое совершенное искусство, она отличается от изобразительного искусства, это что-то божественное, что снисходит к нам с неба. Художник, когда он слышит музыку, пытается передать это божественное на полотне.

– А если музыка не божественная?

– Музыка всегда божественна. Мы не говорим о качестве той или иной музыки, рока, популярной музыки, в музыке всегда есть что-то, что выше, что-то божественное и мистериальное. Это искусство – не материально и потому всегда связано

Независимая 2004-13 мая - с 6 а

Уроки жизнелюбия. Франко Дзеффирелли на открытии своей выставки (справа – Владимир Васильев).

Фото Фреда Гринберга (НГ-фото)

с чем-то, чего мы не можем понять. Можно потрогать живопись или скульптуру, а музыку – нет, она окружает вас и входит в человека каким-то непонятным образом. Музыка обладает популярностью, которой не обладает никакое другое искусство. Ни один вид искусства не объединяет так много людей, как это удается музыке. Это же не просто так!

– Вы полагаете, что «Три сестры» не меняются в зависимости от взгляда публики?

– Публика меняется. Но автор не меняется. Если я работаю с авторами, писавшими 150 или

200 лет назад, я пытаюсь донести мысли, которые волновали их тогда. Если вы слушаете Бетховена, его Девятую симфонию, как ее можно изменить? Добавить в нее джаз? Или рок? Ее надо воспринимать и слушать так, как написал ее Бетховен, который ничего не знает о современной культуре. В конце концов, сегодня достаточно авторов, обслуживающих сегодняшнюю публику. Современные вещи хороши сами по себе: например, мне очень нравились концерты «Пинк Флойд», но если вы добавите в их концерты

музыку Россини, выйдет какофония, нельзя совмещать одно с другим.

– Но «Пинк Флойд» бы, наверное, понравилось.

– Может быть, но я не думаю, что Россини стал бы писать для них. Невозможно перевести «Анну Каренину» на современный язык. Нужен другой автор, который, может быть, напишет похожую историю, адаптированную к нашей жизни.

– Вас считают реформатором оперы и – будете смеяться – знаменем в России вы стали как раз для режиссеров-авангардистов, для тех, кто «Аиду» переносил в

бенно если говорить о рисунках, которые я только что просматривал, – к знаменитому фильму «Иисус из Назарета». Это не просто рисунки, там прописаны также и все технические детали, все персонажи, которые в этот момент находятся в кадре и т.д. Конечно, я рисую не так замечательно, как Эйзенштейн, у него была просто потрясающая рука, но раньше я рисовал чуть-чуть лучше. В живописи, как и в музыке, нужна ежедневная тренировка, а поскольку я посвящаю себя и другим вещам, этот дар я немножко утратил. Стараюсь восстановить.

Иногда критики не очень лестно отзываются о моем творчестве за то, что я никогда не был коммунистом

тоталитарные интерьеры. Что, по-вашему, особенного, вы открыли или изменили в опере?

– Моя формула: опера – это театр плюс музыка. Думаю, это главная новация в оперном театре. Певцы должны хорошо петь и очень хорошо играть. Для меня лично самым совершенным моим произведением является фильм «Отелло», где наиболее гармоничны, на мой взгляд, пение, декламация, актерская игра и внешние эффекты. Я постарался показать, как одно искусство взаимодействует с другим.

– У части режиссеров принято «рисовать» будущие свои фильмы – порой по кадрам, как, к примеру, Сергей Эйзенштейн. Делали ли вы когда-либо подобные рисунки?

– Конечно же, я делаю наброски ко всем моим работам, осо-

– В пресс-релизе выставки говорится о Дзеффирелли, который «не отличается ангельским характером». Вы полагаете, у режиссера может быть ангельский характер?

– Я думаю, нужно понимать, что художник, который творит, и художник в своей частной жизни – абсолютно два разных человека. Когда он творит и хочет добиться наилучшего результата, он может устраивать скандалы, кричать и ругаться, а через две минуты вы можете вместе пойти выпить чаю, и это будет человек с ангельским характером. Тут все относительно. Если считать, что ангельский характер – это терпение, то я считаю, что терпение художнику необходимо. Леонардо говорил, что гений – это тот, кто обладает терпением. Без терпения невозможно творчество.